

УДК 947

DOI 10.46698/VNC.2022.85.86.001

А. Н. Поляков

Александр Николаевич Поляков

Оренбургский государственный университет, заведующий кафедрой истории, доцент, кандидат исторических наук, Оренбург, Россия, e-mail: polyakov150@mail.ru

Происхождение Руси и Великая Моравия

Аннотация. Происхождение Руси является важнейшим вопросом, стоящим перед отечественной исторической наукой. Наряду с другими факторами он оказывает существенное влияние на формирование национального самосознания, прямо связан с проблемой роли норманнов в процессе образования древнерусского государства, часто имеющей не только сузубо научное, но и общественно-политическое звучание. Историография вопроса обширна. Вместе с тем решение проблемы в силу недостаточности и неоднозначности источников далеко от завершения. Цель статьи – предложить новый подход к исследованию и обосновать гипотезу, согласно которой возникновение Руси напрямую связано с гибелью одного из первых славянских государств – Великой Моравии. Предметом исследования являются процессы формирования Руси в Среднем Поднепровье в IX–X веках. Исследование строится на основе выявления археологических связей формирующейся древнерусской культуры и сопоставлении их с данными письменных источников. По мнению автора, древнерусская цивилизация возникает после гибели великоморавского государства и под его влиянием. На основе археологических и письменных источников автор приходит к выводу, что русы пришли в Среднее Поднепровье с территории Великой Моравии, позаимствовав оттуда образцы нового цивилизованного образа жизни и форму государственности. Исследователь считает, что моравское происхождение русов объясняет особенности застройки древнерусских городов и характер укреплений, терминологическую связь Русской Правды и Полицкого статута, распространение ингумаций в Среднем Поднепровье в середине – второй половине X столетия, внезапное появление здесь новой ювелирной техники, украшений и круговой керамики, имеющих аналоги в Великой Моравии.
Ключевые слова: Ибн Русте, камерные погребения, Моравия, Повесть временных лет, Русь.

Alexander N. Polyakov

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Oren-burg State University.

The origin of Russia and Great Moravia

Abstract. The origin of Russia is the most important issue facing the national historical science. Along with other factors, it has a significant impact on the formation of national identity, and is directly related to the problem of the role of the Normans in the formation of the Old Russian state, which often has not only a purely scientific, but also a socio-political sound. The historiography of the issue is extensive. However, the solution to the problem is far from complete due to insufficient and ambiguous sources. The purpose of the article is to propose a new approach to the study and to substantiate the hypothesis that the emergence of Russia is directly related to the death of one of the first Slavic states – Great Moravia. The subject of the study is the processes of the formation of Russia in the Middle Dnieper region in the IX–X centuries. The research is based on the identification of the archaeological connections of the emerging Ancient Russian culture and their comparison with the data of written sources. According to the author, the Old Russian civilization arises after the death of the Great Moravian state and under its influence. On the basis of archaeological and written sources, the author comes to the conclusion that the Russ came to the Middle Dnieper region from the territory of Great Moravia, borrowing from there samples of a new civilized way of life and a form of statehood. The researcher believes that the Moravian origin of the Rus explains the features of the development of ancient Russian cities and the character of fortifications, the terminological connection of the Russian Truth and the Police Statute, the spread of inhumation in the Middle Dnieper region in the middle –second half of the X century, the sudden appearance of new jewelry techniques, jewelry and circular ceramics, which have analogues in Great Moravia.
Keywords: Ibn Ruste, stone burials, Moravia, The Tale of Bygone years, Rus.

Древняя Русь (Киевская Русь, Русская земля), какой ее знают наши летописи, со столицей в Киеве и домом «Рюриковичей» во главе, возникает в Среднем Поднепровье в IX–X веках и со временем охватывает практически всю Восточную Европу, заселенную славянами, балтами и финно-уграми. Происхождение Руси и поныне остается одним из темных мест нашей истории. Об этом существует

обширная литература, в том числе историографическая. Прежде всего следует отметить коллективный труд ленинградских историков (В. В. Мавродин, А. В. Гадло, М. Б. Свердлов, И. Я. Фроянов и другие) «Советская историография Киевской Руси», вышедший в 1978 году. Здесь об историографии образования Руси писал И. П. Шаскольский. Среди современных авторов, посвятивших истори-

ографии происхождения Руси свои труды (полностью или частично) – В.В. Пузанов («Образование древнерусского государства в восточнославянской историографии») и Е.А. Шинаков («Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект»). Все это позволяет мне опустить историографический обзор и обратиться непосредственно к источникам.

Источники знают две основные версии происхождения Руси. Первая представляет собой не более чем эпонимическую легенду, согласно которой Русь получила свое название от имени прародителя Руса. Несмотря на то, что в русских источниках легенда зафиксирована только в поздних летописях [10, с. 11–12], возникла она раньше, чем вторая, более известная версия. Самое раннее упоминание о Русе, от которого пошло имя народа, находится в хронике X века Псевдо-Симеона (вариант «Продолжателя Феофана»): «*Росы, или еще дромиты, получили свое имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы...*» [7, с. 182]. Арабо-персидская версия легенды о Словене, Русе и Хазаре практически современна «Повести временных лет». «...Рус и Хазар были от одной матери и отца, – говорится в анонимном сочинении «Моджмал ат-таварих» (1126 г.). – Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался» [5, с. 401]. Один из вариантов легенды – о братьях Лехе, Русе и Чехе – содержит «Великопольская хроника», текст которой датируется XIV веком [2, с. 52].

Вторая версия происхождения Руси отражена в «Повести временных лет» (начало XII в.) и более раннем Начальном своде (конец XI в.), частично сохранившемся в составе Новгородской Первой летописи младшего извода (XV в.). Это знаменитая легенда о призвании варягов, утверждающая, что Русь обязана своим названием варягам-русам, которых призвали новгородцы и их соседи «княжить и владеть». При этом «русью» во времена летописца называются поляне, пришедшие, согласно летописи, с Дуная. Несмотря на то, что авторы этих летописей отделены от описываемых событий столетиями, а источники знаний летописцев не вполне ясны, в этой версии обычно усматривают историческое ядро. Полемика вокруг этого «ядра» породила значительную литературу, которую принято делить на два основных направления – норманистское и антинорманистское. Первые видят в «ранних» руссах скандинавов и почитают их за создателей восточнославянского государства, а вторые – славян или кого-то другого. Итоги полемики по этому вопросу в начале 2000-х годов подвели представители обоих направлений. Со стороны антинорманистов это сделал В.В. Фомин (2005 г.), со стороны

норманистов – Л.С. Клейн (2009 г.). Оба автора пришли к выводу о своей полной и безоговорочной победе. Наблюдение за развитием историографии вопроса и пример данных изданий показывает, что система аргументов и фактов с обеих сторон давно сложилась, но ни одна из них не в состоянии доказать свою правоту. Проблема остается нерешенной.

Необходимо отметить, что версия о варяжском происхождении Руси заслуживает не большего доверия, чем народная легенда о прародителе Русе. Рассказ «Повести временных лет» в силу указанных выше причин (не современен и даже не близок описываемым событиям, неясность происхождения сведений) – источник не надежный. Судя по всему, он был составлен летописцем специально, чтобы убедить читателя в том, что имя «Русь» северного варяжского происхождения. На мой взгляд, материалом для составления рассказа послужили тексты библейского происхождения, что не удивительно, поскольку подходящими хрониками летописец на располагал – ни один другой источник, кроме нашей летописи, о призвании варягов не сообщает. К библии восходят как мотив призвания справедливого правителя, так и отдельные фразы, использованные для написания текста. Примером призвания правителя (или вождя) могло послужить пророчество Исаии или же текст Книги Судей. В первом из них говорится о земле с бесчисленными сокровищами, золотом и серебром и предсказывается появление царя, который будет царствовать по правде: «Вот Царь будет царствовать по правде, и князья будут править по закону; и каждый из них будет как защита от ветра и покров от непогоды, как источник вод в степи, как тень от высокой скалы в земле жаждущей» (Ис. 32:1–3.). Во второй: «Во время войны Аммонитян с Израильтянами пришли старейшины Галаадские взять Иеффая из земли Тов. И сказали Иеффаю: приди, будь у нас вождем, и сразимся с Аммонитянами» (Суд. 11:5–6.). Описание усобиц после изгнания варягов («...и не бе в них правды и въста родъ на родъ и быша в них усобице» [8, стб. 19]) повторяет текст Первой книги Маккавейской и Третьей книги Ездры. В первой говорится: «И напал от них страх и ужас на весь народ, и говорили: **нет в них истины и правды**, ибо они нарушили постановление и клятву...» (1 Мак. 7:18.). Вторая гласит: «И будут предпринимать войны одни против других, **город против города**, одно место против другого, **народ против народа**, царство против царства» (3 Езд. 13:31.). Оба текста соединяет «Хроника Георгия Амартола», которой, видимо, и воспользовался летописец. Здесь «не-правда» и «усобицы» объединены и ближе к летописному варианту: «... и [не] въ правдоу вънадыше и въ безаконию все превъшедышемъ, насыти быша грехы творяще. **градъ бо на градъ крамолоу имяше, и языкъ на языкъ сташе** (во всех случаях выделено мною. – А.П.), и разделяшеся вся земля в крамолоу...» [4, с. 67]. В Новгородской

Первой летописи текст ближе к библейскому образу: «*И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велка и усобица, и вѣсташа град на град и не беша в нихъ правды*» [9, с. 106]. Знаменитая земля «обильная», владением которой заманивали словене Рюрика, – это калька земли обетованной, обещанной Богом избранному народу. Она неоднократно упоминается в Ветхом Завете. Впервые в этом качестве, кажется, во второй книге Моисея «Исход»: «...Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в **землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед...**» (Исх. 3:8). Текст послания новгородцев напоминает слова из книги Судей: «...и егда приидете, внидете в люди живущая съ упованиемъ, а земля **пространна** [«велика» – в летописи]... **яко предать ю Господь Богъ в руки ваша, место на нем же несть скудость во всем иже на земли** [это и значит – «обильна»]» [1].

Мотивом для создания легенды о Рюрике и его братьях стало желание поправить «неприятное» для автора пророчество Иезекииля, которое греки связывали с русами. Согласно пророчеству, в последние годы человечества на землю обетованную Бог приведет полчища некоего Гога, князя Роша, Мешеха и Фувала (старославянский перевод: «*Гогъ и Магогъ, князя росска, мосохъ и фовель*»). Придут «росы» от пределов севера и приведут с собой многие народы в полном вооружении, в бронях, со щитами и мечами, чтобы произвести грабёж, набрать добычи, взять серебро и золото, отнять скот и имущество. Но потом, чтобы показать себя избранному народу, Бог уничтожит «росов», и похоронят Гога и все его войско в долине на восток от моря и будут называть эту долину «Гогова» (Иез. 38:2–23; 39:5–16.). Летописцу, который считал Русь «избранной на последнее время», не могло понравиться это пророчество. Чтобы превратить русов из предвестников апокалипсиса, обреченных на уничтожение, в народ, спасаемый Богом, ему пришлось отречься от мифического прародителя Руса, заменив народную легенду искусственной конструкцией, составленной из переименованных библейских текстов [28, с. 47–48].

Что касается других источников, близких по времени «призванию варягов», они обычно слишком краткие и допускают различные толкования (сообщения Бертинских анналов, Ибн Фадлана и других арабо-персидских авторов, указания Константина Багрянородного на двойные названия днепровских порогов и т. п.). Об этом недвусмысленно свидетельствует вся существующая в настоящее время историография вопроса. Вне контекста летописной легенды о призвании варягов все они приобретают еще более спорный характер.

На мой взгляд, исследование данного вопроса по старой схеме: данные русских летописей – сведения иностранных источников – археологические свидетельства – не имеет дальнейшей перспективы и уводит в сторону от решения вопроса.

Исследование должно строиться с опорой не на летопись, а на археологические данные, которые могут быть подтверждены и объяснены письменными источниками. Иначе говоря, для решения проблемы нужно перевернуть направление поиска в обратную сторону. Тогда, мне кажется, есть шанс приблизиться к разгадке явления.

Археологические свидетельства о появлении Руси в среднем Поднепровье вызывают разногласия. В.В. Седов с русами отождествляет носителей волынцевской археологической культуры [30]. Основной территорией ее распространения считается междуречье Днепра и Дона, в основном в районе Сейма и Подесенья. Наиболее западные ее следы обнаруживаются на правом берегу Днепра в округе Киева [30, с. 33]. Появление волынцевской культуры относят обычно к началу VIII века. По своему типу она мало чем отличается от синхронных ей лука-райковецкой и роменской культур. Для нее характерно преобладание неукрепленных поселений с хаотичной застройкой полуземлянками площадью от 12 до 36 м². Могильники – грунтовые с сожжением покойника на стороне и помещением праха в глиняные сосуды. Керамика в основном лепная (90–95 %) с добавлением салтовского импорта (сероглиняные лощеные кувшины, красноглиняные амфоры). Вещевой набор: узколопастные наральники, серпы и косы-горбуши, зернотерки и жернова, железные ножи с прямой спинкой, калачевидные кресала, дужки от ведер и тому подобное. Несмотря на то, что в слоях волынцевских памятников встречаются предметы вооружения (кольчужные пояса, оковки от ножен меча или сабли), следов ярко выраженного имущественного или социального расслоения нет [12, с. 194–199].

Е.С. Галкина связывает русов с салтовской археологической культурой бассейна Северского Донца и Дона. Она резко отличается от всех славянских культур, в том числе древнерусской, и обычно приписывается смешанному населению аланов и болгар. Единственным основанием считать салтовскую культуру «русской», выдвигаемым Е.С. Галкиной, является отождествление алан и ранних русов, основанное на совокупности данных письменных источников [14]. Однако, если учесть, что все они неоднозначны и большей частью спорны, признание салтовской культуры «русской» выглядит насильем над исторической правдой. Эта культура не совпадает с древнерусской по всем показателям (характер поселений, укреплений, особенности жилищ, могильников и обряда захоронения, вещевой набор).

Славянские археологические культуры в Среднем Поднепровье и ближайшей к нему лесостепной полосе (лука-райковецкая, роменская, боршевская) в IX веке лишены каких-либо признаков имущественного и социального расслоения. «Археологические памятники исследуемой поры, – отмечает И.И. Ляпушкин, – поселения и могильники, сравнительно бедны и однообразны. Их различия

сводятся преимущественно к некоторым деталям обряда погребения, да к отдельным чертам жилищно-хозяйственных построек и поселений в целом, обусловленным, очевидно, с одной стороны, природными условиями, а с другой – окружающей средой» [22, с. 27].

Первые реальные следы появления в среднем Поднепровье носителей новых социальных отношений относятся к началу – середине X столетия. В Киеве заметные перемены происходят в конце IX столетия на Подоле. В отличие от привычных для этих мест полуземлянок здесь строятся жилища срубного типа, похожие на новгородские, ладожские и полоцкие [31, с. 73, 77; 19, с. 133]. В связи с этим многие исследователи полагают, что их оставили переселенцы с севера. Дендрохронологическая датировка первой постройки 887 годом дает основания им связать появление срубов с приходом в Киев Олега. Согласно «Повести временных лет», это произошло в 882 году. С учетом погрешности из-за отсутствия надежной шкалы, привязанной к местным абсолютным датам [26, с. 450], это кажется, на первый взгляд, возможным.

Нередко в переселенцах видят скандинавов. Однако «материалы Подола конца IX – середины X в., – отмечает современный киевский археолог А.В. Комар, – <...> не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или «северного» происхождения» [20, с. 316]. Исследователь полагает, что появление нового типа построек на Подоле связано не с переселенцами, а с особенностями рельефа. Дело в том, что весной его территория часто затоплялась. Культурные слои на Подоле, как показали археологические раскопки, нередко перекрыты слоями чистого песка [31, с. 73]. «Здесь, разумеется, не подходил обычный для славян Киевского региона тип полуземляночного жилища, затопляемого во время наводнения, – пишет он, – естественным выбором стали наземные срубные постройки» [20, с. 316]. Все это вполне логично. Непонятно только, почему технология рубки жилищ киевских и новгородских построек полностью совпадает [17, с. 264]. Опора на летопись в данном случае непродуктивна. Следует учитывать, что летописная датировка условна, неизвестно откуда взята, а сам факт похода Олега ничем не подтвержден. Описание похода находится в контексте легендарных сведений, следующих логике и образцам библейских пророчеств [28, с. 50–51].

Кроме того, срубные дома на Подоле строятся в славянских традициях, а не скандинавских, и практически сразу в рамках усадьбы-двора. Археологам во многих местах удалось проследить планировку и границы усадеб вплоть до IX века [31, с. 73; 26, с. 450]. Ни Новгород, ни Ладога, не могли быть образцами для них. В Новгороде дворы появляются только в середине X века (как и сам Новгород). В Ладоге срубы, подобные тем, что строили на киевском Подоле, появляются вроде бы еще в слоях VIII–IX веков, но признаются славянскими. При

этом господствующим этот тип жилищ становится только в X веке (в 20-е годы), когда Ладога входит в состав Руси. Тогда же появляется дворово-уличная планировка [27, с. 10, 16]. Иначе говоря, Подол был первым в Восточной Европе, где реализовалась новая система застройки поселения.

В отличие от жилищ остальных поселков на территории Киева, каждый двор на Подоле представлял собой самостоятельный хозяйственный комплекс. Площадь домов в них была в два раза больше местных полуземлянок. Жилища лука-райковецкой и роменско-боршевской культур не пре-вышали 10–20 кв. м [22, с. 166]. Срубные постройки Подола достигали 40–60 кв. м [31, с. 72]. По мнению А.В. Комара, оснований считать их жилищами новой киевской элиты нет. «Концентрация «престижных» предметов на подольских усадьбах, – пишет он, – отмечается лишь с XII в[ека]... В горизонтах X–XI вв., напротив, обычными являются загоны и постройки для скота, остатки навоза в хозяйственных частях усадьбы, многочисленные кости крупного рогатого скота, коз, свиней; детали рыболовных снастей и весла; зерна проса, овса, пшеницы, огурцов, малины, лесные орехи и др.» [20, с. 317]. На мой взгляд, выводы из данных фактов следует делать другие. Люди, заселившие Подол, судя по характеру застройки, демонстрируют новые социальные отношения. Вели они, как видно из раскопок, комплексное хозяйство. Их нельзя в полной мере связывать только с торговлей или ремеслом, сельским хозяйством или промыслами. По сравнению с жилищами и застройкой других районов города первой половины X века они находятся на другом уровне и хозяйственного, и социального развития – нигде на киевских горах археологически не выявлены ни усадьбы, ни дома такого размера. Действительно, в X веке на Подоле мало встречается «престижных» предметов, но их нет и в других частях Киева того времени. Почти все, что находят археологи, извлекается ими из могильников, а не из слоев с жилой застройкой, что может быть связано с особенностями религии и традициями языческой эпохи.

Новый тип захоронений, который относят к так называемой «дружинной культуре», появляется в Киеве в середине X века. По данным В.Г. Ивакина, посвятившего этим погребениям специальный труд, в киевских некрополях прослеживается два похоронных обряда: сожжение и труположение. К первым относятся 13 захоронений, что составляет 8 % от всех учтенных им погребений (всего В.Г. Ивакин учитывает 155 курганов, ошибочно называя это число в качестве погребений с ингумацией). Сжигали покойников, по его данным, на стороне (за исключением одного случая), что соответствует древней славянской традиции [18, с. 10]. Среди могил с ингумацией встречаются захоронения в погребальных камерах (срубах) – 16 погребений (10 % по расчетам Ивакина), в деревянных гробах (70 % погребений – 45 %) и прямо в могильных ямах (56

погребений – 36 %) [18, с. 12, 16]. Ориентировка костяков различна. В некоторых могилах они лежат головой на север, юг или восток. Однако в подавляющем большинстве ингумаций костяки ориентированы на запад (83 % от изученных 111 курганов, в которых прослеживается ориентировка) [18, с. 11].

Особое внимание исследователей привлекают захоронения в камерах. Такие погребения сопровождаются богатым вещевым набором: оружием (мечи, наконечники стрел и копий, боевые топоры, скрамосаксы, железные умбоны и оковки щита, фрагменты кольчуги), снаряжением всадника (удила, стремяна, подковы, седла, пряжки от подпруги, псалии), бытовыми предметами, деталями костюма, украшениями, игровыми наборами, амулетами, монетами, остатками поминальной трапезы [18, с. 18]. Есть среди них и вещи скандинавского облика: скорлупообразные фибулы, золотые браслеты, женские украшения в стиле Эллинг и Хиденсе [11, с. 33, 46]. По этой причине дружинные курганы Киева и округи, особенно камерные, нередко воспринимаются исследователями как признак присутствия скандинавов и даже считаются доказательством норманнского происхождения руси. Однако, как отмечает А.В. Комар, вещи скандинавского круга в киевских погребениях, как правило, единичны и никогда не образуют «чистый» закрытый комплекс, а сочетаются с предметами иных стилей – венгерского и восточного [20, с. 322].

Часть погребений – с ориентировкой на север, юг, восток и захоронения сидя – можно приписать норманнам или представителям других северных народов. В славянских землях аналогичных могил не найдено, а среди балтов, финно-угров и скандинавов они имеются. «В Среднем Поднепровье такие захоронения встречены в небольшом числе в Киеве и на кладбище дружинного лагеря у с. Шестовицы» [33, с. 204]. Учитывая тот факт, что подобные погребения среди северян распространяются позже, то есть в середине и второй половине X века (а до этого преобладает кремация, которая постепенно исчезает во второй половине X столетия [32, с. 411–412]), их можно рассматривать как подражания новой местной элите. Установлено, что камерные погребения имеют континентальное происхождение [34, с. 290].

Преобладающая часть камерных погребений имеет ориентировку на запад и находит прямую аналогию в Великой Моравии. «И в Поморавье и на Руси, – отмечает С.С. Ширинский, – для погребений знати в эту эпоху характерно наличие пышного погребального инвентаря, предметов, подчеркивающих рыцарскую принадлежность погребенных, а иногда убитых женщин и рабов. И там, и здесь как пережиток языческих трупосожжений в ранних могилах с труположением в могильной яме или над ней встречаются следы ритуальных, очистительных костров и отдельные кости животных – остатки травы. Подтверждают сходство труположений с западной ориентировкой и находки в некоторых

подобных погребениях ... крестов-тельников, крестов-накладок, а в одной из таких могил, ... печати с изображением Христа, привешенной на одно кольцо с языческим амулетом таранной косточкой бобра» [33, с. 204].

По всей видимости, основную массу киевских курганов (ингумации с западной ориентировкой костяков) оставили не норманны и вообще не северяне, а выходцы из Великой Моравии. Время гибели Великоморавского государства и появление в Среднем Поднепровье могил с аналогичной культурой погребения буквально следуют друг за другом. Моравия окончательно была завоевана венграми в 907 году – первые курганы с ингумацией и богатым инвентарем в Киеве датируются серединой X века.

О переселении части населения из разгромленной Великой Моравии свидетельствуют также изменения в технике изготовления ювелирных изделий. В Среднем Поднепровье в середине X столетия появляются тисненые украшения, декорированные зернью и сканью, имеющие прямую связь с технологиями великоморавского ювелирного дела; складывается первый в Древней Руси парадный женский убор, включающий новый набор изделий [29, с. 277]. «Основной круг аналогий для данных типов украшений, – отмечает С.С. Рябцева, – происходит из западнославянских памятников, и распространение его на территории Руси может быть связано с продвижением сюда в X в. западнославянского населения [принесшего с собой традиции Подунайского ремесла], фиксируемым и на других видах археологических источников (керамика, предметы конского снаряжения и т. д.)» [29, с. 278]. Знаменитые туры рога с серебряной оковкой из Черной могилы в Чернигове также повторяют технику и орнаментальные мотивы некоторых поясных блях из Микутьиц, Старого Места и типичных великоморавских украшений – гомбиков [16, с. 84–85]. Киевский Подол дал старт и распространению в Среднем Поднепровье круговой керамики, среди которой – великоморавские образцы. Встречаются они и в Гнёздово, и других местах Восточной Европы, что, скорее всего, связано с распространением древнерусской культуры и влияния Киева.

Срубная технология изготовления жилищ, построенных на Подоле, могла быть принесена переселенцами из Великой Моравии. Если учесть, что вместе с новым типом жилищ в Поднепровье приходит и новый тип застройки (двор с деревянными вымостками, окруженный частоколом, и уличная планировка), характеризующий и новые социальные отношения, это становится тем более вероятным (на севере славянского мира социальные связи оставались еще традиционными). Древнерусский город, облик которого складывается в первую очередь в Киеве – «матери городов русских» – по своей структуре (детинец – предградье) и особенностям укреплений (вал, в основе которого деревянные клетки, забитые землей) повторяет устройство и характер укреплений городов Великой

Моравии [16, с. 86]. Происхождение оборонительных сооружений древнерусского типа окончательно не установлено. Первые мощные крепостные валы с основой из деревянных клетей в Киеве и его округе возводятся в эпоху Владимира. К этому времени относится и узкий период бытования особой технологии облицовки вала кладкой из сырцовых кирпичей. Такие укрепления обнаружены в Киеве, в городе Владимира, Белгороде, Переяславле, Заречье на реке Стугне, Василеве [24, с. 72–73]. П.А. Раппопорт предполагал, что технология попала на Русь из Тамани. Известны хазарские аналогии. Ю.Ю. Моргунов считает, что истоки древнерусских преград «с лицевыми сырцовыми обкладками... следует искать в фортификации болгаро-византийского культурного округа» [24, с. 77]. Это вполне вписывается в общую картину бурной строительной деятельности крестителя Руси – возведение с помощью византийских зодчих Десятинной церкви, кирпичных ворот города Владимира, «дворцовых» сооружений. Связи с Болгарией также вполне обоснованы. Вместе с тем, надо заметить, что круг византийского влияния не ограничивается Болгарией и имеет более ранние прецеденты. Крепостные сооружения, составленные из валов, в основе которых находились деревянные клетки, забитые землей, как уже отмечалось, характерны для великоморавских градов. Им же свойственно облицовывать валы камнем [13, с. 113–114]. Примечательно и то, что для древнерусского города, как и для великоморавского, свойственно преимущественное распространение вотчинного ремесла, сосредоточенного в усадьбах городской аристократии» [16, с. 85].

О связи Руси с Моравией есть и письменные свидетельства. Великая Моравия была родиной славянской азбуки и литературы, которая легла в основу древнерусской письменной культуры. «Бытовой уклад южнорусской жизни, – отмечает Н.К. Никольский, – во многих отношениях воспроизводит формы быта западного славянства. Лексика древнерусского книжного языка сохранила следы заимствований церковных и не церковных терминов, сложившихся у западных соседей Киевской земли...» [25, с. 12]. Среди западославянских заимствований Н.К. Никольский называет: папезь (римский папа), оплатъкъ (ритуальный пасхальный хлеб), перегъбы (плащ, накидка), сустуги (металлические застежки), кмети (воины), цесарь (а не кесарь), вежа, дружина, каланды, заповедь, олтарь, поганый, полата, правая вера, епистолия, смыслен и другие [25, с. 14–15]. Слова и традиции западославянского (великоморавского) христианства, закрепившиеся в русской культуре, отмечает и А.Г. Кузьмин. К ним он относит понятия «церковь», «калтарь», «агнец», «поп», «пастырь», «пост»; институт «десятины»; традицию мартовского (а не сентябрьского, как в Византии) календарного года [21, с. 46–47]. Обращает на себя внимание и сходство княжеского именователя: Ростислав, Святополк –

имена моравских князей, которые были популярны и на Руси [23, с. 71–77].

«Повесть временных лет» хорошо помнит об этой связи. Под 898 годом здесь стоит рассказ о возникновении славянской письменности. Место действия называется «Славянской землей» и отождествляется именно с «Моравией». Сюжет рассказа посвящен в основном деятельности Кирилла и Мефодия. В рассказе любопытно одно замечание. Автор «Повести» говорит: «Тъм же и словеньску языку учитель есть Павель, от него же языка и мы есмо Русь, тъмъ же и нам Руси учитель есть Павель...А словеньский языкъ и руский одно есть...» [6, с. 16]. Выражение «от него же языка и мы есмо Русь» указывает на происхождение полян-руси от славян из Моравии. Этому предшествует намек на то, что поляне ушли с Дуная, когда земля Славянская (Моравия) была пленена уграми: «...и начаша воевати [угры] на мораву и на чехи. Бе единъ языкъ словенскъ: словени, иже седяху по Дунаеву, их же прияша угри, и морави, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая Русь» [6, с. 15]. Если привязать эти сведения к реальным фактам, мы найдем время прихода полян-руси в район Киевского Поднепровья – когда угры захватили Славянскую землю (Моравию), то есть начало X века. Это, конечно, противоречит рассказу того же летописца о захвате Олегом Киева в 882 году, не говоря уже о появлении здесь Аскольда и Дира, которые, согласно «Повести временных лет», прибыли в Киев на 20 лет раньше вещаго князя. Получается, будто Олег захватил город, который поляне построили только через несколько десятилетий (если сопоставить сведения летописи об основании Киева полянами и время их прихода на правобережье Днепра). Объясняется это просто. Летописец не знал, когда угры разгромили Моравию.

Приход русов (полян) с территории Великой Моравии объясняет сходство между Русской Правдой и Полицким статутом. Несмотря на то, что между ними хронологическая и географическая пропасть – Русская Правда составлена в XI веке (древнейший список датируется XIII столетием), а Полицкий Статут – в XV веке за тысячу километров от Руси – они имеют много общего. Оба памятника содержат такие понятия, как вражда, говедо, правда, челядь, свада, овен, ближний, рота, дружина, дым и другие. Только в Русской Правде и Полицком статуте встречается «вервь» как наименование общины [15, с. 196]. Б.Д. Греков, посвятивший данному вопросу специальную монографию, отмечает: «Очень важно было бы найти объяснение терминологической близости этих двух памятников славянского права. Почему у других древних памятников славянского законодательства нет такого совпадения? Случайным это обстоятельство быть не могло. Такое совпадение заставляет предполагать какую-то длительную близость культурных отношений русского и хорватского народов» [15, с. 196]. Правда, сам он ответа не нашел. «Автор настоящей работы [Б.Д.

Греков] должен, к сожалению, повторить признание хорватского ученого [Мажуранича] и лишь поставить перед историками, филологами и археологами эту проблему как очередную. Может быть, общими усилиями историков, лингвистов и археологов удастся хотя бы частично разгадать эту загадку» [15, с. 196–197]. На мой взгляд, лучшим объяснением близости данных юридических памятников является проживание ранних русов и хорватов где-то по соседству на территории Великой Моравии. После разгрома Великоморавского государства пути их разошлись в разные стороны.

Содержат письменные источники и описание обряда погребения, прямо приписываемого русам, который полностью совпадает с данными археологических раскопок об устройстве камерных погребений, распространившихся в Среднем Поднепровье в это время. В их числе сообщения Ибн Русте и Гардизи. Ибн Русте, писавший в первой четверти X века (времена княжения Игоря), отмечает следующее: «Когда у них [русов] умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении» [3, с. 50].

Свидетельства ряда источников о том, что русы – народ, который сжигает своих мертвых (Ал-Истахри, Ибн Фадлан, Лев Диакон) можно объяснить тем, что не все русы придерживались одного обряда: среди них могли быть язычники, христиане и бывшие христиане, вновь вернувшиеся в язычество. Первоначально русы, видимо, как и все славяне, сжигали своих умерших – пережитки этого прослеживаются в ранних камерных захоронениях в Киеве в виде остатков ритуальных костров. Часть из них, оставаясь язычниками, продолжала сжигать покойников (те самые 8 % погребений). Другая часть, приняв христианство, стала хоронить в гробах и ямах – их в киевских некрополях больше всего. Третья, оказавшись среди язычников, возможно, вернулась в язычество и стала погребать мертвых, используя смешанный обряд. Вероятно, именно к ним относится русская воинская верхушка.

Подведем итоги. Социальные и политические

изменения в Среднем Поднепровье, судя по археологическим данным, начались на рубеже IX–X веков. В это время на Подоле в Киеве распространяется новая застройка (срубные жилища, дворы, улицы), ставшая затем характерной чертой всех древнерусских городов. Сюда проникают новые ювелирные технологии (тиснение, зернь, скань), складывается особый древнерусский женский парадный убор. Появляется круговая керамика, которая во второй половине X столетия вытесняет лепную. Тогда же получает распространение погребальный обряд нового типа (ингумации в ямах и гробах, камерные захоронения с оружием и богатым вещевым материалом). Все эти перемены связаны с приходом в Среднее Поднепровье переселенцев из более развитых районов Европы. Письменные источники позволяют видеть в них русов. Согласно летописным данным, это было время правления в Киеве первых русских князей (Игоря, Святослава, Ярополка, Владимира). Камерный обряд погребения, обнаруженный археологами в Киеве и его округе, описывается Ибн Русте (автор первой четверти X века) как характерный именно для русов.

Новый погребальный обряд, ювелирные технологии и образцы украшений, которые легли в основу первого парадного убора в Древней Руси, некоторые виды керамики и, по всей видимости, новый вид застройки и укреплений, ставший типичным для древнерусских городов, имеют аналоги в Великой Моравии и, скорее всего, к ним восходят. Память о Моравии, как прародине полян-русов, сохранилась в «Повести временных лет» (рассказ о происхождении славянской письменности под 898 г.). Хранит ее и лексика древнерусского языка, связанная с особенностями социальной и религиозной жизни (кмети, цесарь, вежа, поганый, правая вера, церковь, алтарь, поп, пастырь, пост, десятина, мартовский календарный год). Основа древнерусского права – Русская Правда – имеет много общего с Полицким статутом (совпадают понятия: правда, челядь, рота, дружина, дым, вервь), что, скорее всего, связано с первоначальным проживанием русов недалеко от хорватов в пределах Великой Моравии. Все это позволяет предполагать, что русы пришли на территорию Среднего Поднепровья (а потом и распространили свою власть и культуру на всех восточных славян) с территории Моравии, после ее разгрома венграми в начале X века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия сиречь книги ветхаго и новаго завета. – М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1914. 726 л. (Острожская библия 1581 г.)
2. «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под ред. В.Л. Янина. – М.: МГУ, 1987. 267 с.
3. Ибн Русте. Книга дорогих ценностей // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова; Ч. 2. В.Я. Петрухин. – М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 43–50.
4. Истрин В.М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Т. 1. Текст, исследование и словарь / В.М. Истрин. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1920. 612 с.
5. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. / А.П. Новосельцев // Древнерусское государство и его международное значение. – М.: Наука, 1965. С. 355–419.
6. Повесть временных лет / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб.: Наука, 1996. 668 с.

7. Псевдо-Симеон. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники / сост. М. В. Бибииков. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 182.
8. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
9. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
10. ПСРЛ. Т.31. Летописцы последней четверти XVII в. – М.: Наука, 1968. 263 с.
11. Андрощук Ф.А. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева / Ф.А. Андрощук // *Ruthenica: Збірник наукових праць*. Т. 3. – Київ, 2004. С. 7–47.
12. Археология Украинской ССР. Т.3. Раннеславянский и древнерусский периоды / ред. В. Д. Баран. – Киев: Наукова думка, 1986. 576 с.
13. Белякова Д. Развитие форм поселений в Великой Моравии // Д. Белякова // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение / отв. ред. Г.Э. Санчук, Й. Поулик. – М.: Наука, 1985. С. 108–125.
14. Галкина Е.С. Тайны Русского каганата / Е.С. Галкина. – М.: Вече, 2002. 432 с.
15. Греков Б.Д. Полица: опыт изучения общественных отношений в Полице в XV–XVII вв. / Б. Д. Греков. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. 320 с.
16. Достал Бордживой. Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии / Бордживой Достал // *Древняя Русь и славяне*. – М.: Наука, 1978. С. 83–88.
17. Засурцев П.И. Постройки древнего Новгорода / П.И. Засурцев // Труды Новгородской археологической экспедиции / под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. С. 262–298.
18. Ивакин В.Г. Киевские погребения X века / В.Г. Ивакин // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 2011. № 5. С. 243–286. (отд. оттиск. 44 с.)
19. Комар А.В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева / А. В. Комар // *Ruthenica: Альманах історії та археології Східної Європи*. 2005. №4. С.115–137.
20. Комар А.В. Киев и Правобережное Поднепровье / А. В. Комар // *Русь в IX–XI веках: археологическая панорама* / отв. ред. Н. А. Макаров. – М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 300–333.
21. Кузьмин А.Г. Западные традиции в русском христианстве / А.Г. Кузьмин // *Введение христианства на Русь* / отв. ред. А.Д. Сухов. – М.: Мысль, 1987. С. 21–54.
22. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): историко-археологические очерки / И.И. Ляпушкин // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 152. – Л.: Наука, 1968. 187 с.
23. Майоров А.А. Историческая память о Великой Моравии и Верховская историко-географическая провинция / А. А. Майоров // *Вестник Брянского государственного университета*. 2016. № 4. С. 71–77.
24. Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / Ю. Ю. Моргунов. – М.: Наука, 2009. 303 с.
25. Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: к вопросу о древнейшем русском летописании / Н. К. Никольский // *Сборник по русскому языку и словесности*. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. 2. Вып. 1. 107 с.
26. Новое в археологии Киева / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1981. 456 с.
27. Носов Е.Н. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладозы / Е.Н. Носов // *Краткие сообщения института археологии*. – М.: Наука, 1977. № 150. С. 10–17.
28. Поляков А.Н. Начало Руси в "Повести временных лет" и норманнский вопрос / А.Н. Поляков // *Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции; Оренбург. гос. ун-т. Электрон. дан. Оренбург: ОГУ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 45–52.*
29. Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный узор: основные тенденции формирования / С.С. Рябцева. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. 384 с.
30. Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности / В.В. Седов. – М.: УРСС, 1999. 144 с.
31. Толочко П.П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. / П. П. Толочко // *Древнерусские города* / отв. ред. В. В. Седов. – М.: Наука, 1981. С. 63–94.
32. Фетисов А.А. «Дружинная культура» Древней Руси / А. А. Фетисов // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2010. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 406–436.
33. Ширинский С.С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии / С. С. Ширинский // *Древняя Русь и славяне*. – М.: Наука, 1978. С. 203–206.
34. Щавелев А.С. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов / А. С. Щавелев, А. А. Фетисов // *Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье* / Отв. ред. тома А. С. Щавелев. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2017. С. 278–238.

REFERENCES

1. Bibliya sirech' knigi vetkhago i novago zaveta. – М.: Moskovskaya staroobryadcheskaya knigope-chatnya, 1914. 726 l. (Ostrozhszkaya bibliya 1581 g.)
2. «Velikaya khronika» o Pol'she, Rusi i ikh sosedyakh XI–XIII vv. / pod. red. V.L. Yanina. – М.: MGU, 1987. 267 s.
3. Ibn Ruste. Kniga dorogikh tsennostey // *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov*. Т. 3. Vostochnye istochniki / sost. Ch. 1. Т. М. Kalinina, I.G. Konovalova; Ch. 2. V.Ya. Petrukhin. – М.: Rus-skiy Fond Sodeystviyu Obrazovaniyu i Nauke, 2009. S. 43–50.
4. Istrin V.M. Khronika Georgiya Amartola v drevnem slavyanskom perevode. Т. 1. Tekst, is-sledovanie i slovar' / V.M. Istrin. Pg.: Rossiyskaya gosudarstvennaya akademicheskaya tipografiya, 1920. 612 s.
5. Novosel'tsev A.P. Vostochnye istochniki o vostochnykh slavyanakh i Rusi VI–IX vv. / A.P. Novosel'tsev // *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie*. – М.: Nauka, 1965. S. 355–419.
6. Povest' vremennykh let / podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D.S. Likhacheva / pod red. V.P. Adrianovoy-Peretts. Izd. 2-e, ispr. i dop. – SPb.: Nauka, 1996. 668 s.
7. Psevdo-Simeon. Khronika // *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiya*. Т.2: Vizantiyskie istochniki / sost. М. В. Bibikov. – М.: Russkiy Fond Sodeystviyu Obrazovaniyu i Nauke, 2010. S. 182.
8. PSRL. Т. 1. Lavrent'evskaya letopis'. – М.: Yazyki russoy kul'tury, 1997. 496 s.
9. PSRL. Т. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. – М.: Yazyki rus-skoj kul'tury, 2000. 720 s.
10. PSRL. Т. 31. Letopistsy posledney chetverti XVII v. – М.: Nauka, 1968. 263 s.
11. Androshchuk F.A. Skandinavskie drevnosti v sotsial'noy topografii drevnego Kievа / F.A. Androshchuk // *Ruthenica: Zbirnik naukovikh prats'*. Т. 3. – Kiiiv, 2004. S. 7–47.

12. Arkheologiya Ukrainskoy SSR. T.3. Rannelslavianskiy i drevnerusskiy periody / red. V. D. Baran. – Kiev: Naukova dumka, 1986. 576 s.
13. Belyakova D. Razvitiye form poseleniy v Velikoy Moravii / D. Belyakova // Velikaya Moraviya, ee istoricheskoe i kul'turnoe znachenie / otv. red. G.E. Sanchuk, Y. Poulik. – M.: Nauka, 1985. S. 108–125.
14. Galkina E.S. Tainy Russkogo kaganata / E.S. Galkina. – M.: Veche, 2002. 432 s.
15. Grekov B.D. Politsa: opyt izucheniya obshchestvennykh otnosheniy v Politse v XV–XVII vv. / B. D. Grekov. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1951. 320 s.
16. Dostal Bordzhivoy. Nekotorye obshchie problemy arkheologii Drevney Rusi i Velikoy Moravii / Bordzhivoy Dostal // Drevnyaya Rus' i slavyane. – M.: Nauka, 1978. S. 83–88.
17. Zasurtsev P.I. Postroyki drevnego Novgoroda / P.I. Zasurtsev // Trudy Novgorodskoy arkheologicheskoy ekspeditsii / pod red. A.V. Artsikhovskogo, B.A. Kolchina. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1959. T. II. S. 262–298.
18. Ivakin V.G. Kievskie pogrebeniya X veka / V.G. Ivakin // Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya. 2011. № 5. S. 243–286. (otd. ottisk. 44 s.)
19. Komar A.V. K diskussii o proiskhozhdenii i rannikh fazakh istorii Kiev / A. V. Komar // Ruthenica: Al'manakh istorii ta arkheologii Skhidnoi Evropy. 2005. №4. S.115–137.
20. Komar A.V. Kiev i Pravoberezhnoe Podneprov'ye / A. V. Komar // Rus' v IX–XI vekakh: ar-kheologicheskaya panorama / otv. red. N. A. Makarov. – M.: Vologda: Drevnosti Severa, 2012. S. 300–333.
21. Kuz'min A.G. Zapadnye traditsii v russkom khrisťianstve / A.G. Kuz'min // Vvedenie khri-stianstva na Rusi / otv. red. A.D. Sukhov. – M.: Mysl', 1987. S. 21–54.
22. Lyapushkin I.I. Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya drevnerusskogo gosudarstva (VIII – pervaya polovina IX v.): istoriko-arkheologicheskie ocherki / I.I. Lyapushkin // Mate-rialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 152. – L.: Nauka, 1968. 187 s.
23. Mayorov A.A. Istoricheskaya pamyat' o Velikoy Moravii i Verkhovskaya istoriko-geograficheskaya provintsiya / A. A. Mayorov // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 4. S. 71–77.
24. Morgunov Yu.Yu. Drevo-zemlyanye ukrepleniya Yuzhnoy Rusi X–XIII vekov / Yu. Yu. Morgunov. – M.: Nauka, 2009. 303 s.
25. Nikol'skiy N.K. Povest' vremennykh let kak istochnik dlya istorii nachal'nogo perioda russkoy pis'mennosti i kul'tury: k voprosu o drevneyshem russkom letopisanii / N. K. Nikol'skiy // Sbornik po russkomu yazyku i slovesnosti. – L.: Izd-vo AN SSSR, 1930. T. 2. Vyp. 1. 107 s.
26. Novoe v arkheologii Kiev / otv. red. P. P. Tolochko. Kiev: Naukova dumka, 1981. 456 s.
27. Nosov E.N. Nekotorye voprosy domostroitel'stva Staroy Ladogi / E.N. Nosov // Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii. – M.: Nauka, 1977. № 150. S. 10–17.
28. Polyakov A.N. Nachalo Rusi v "Povesti vremennykh let" i normanskiy vopros / A.N. Polyakov // Sotsial'no-gumanitarnye innovatsii: strategii fundamental'nykh i prikladnykh nauchnykh issledovaniy [Elektronnyy resurs]: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii; Orenburg. gos. un-t. Elektron. dan. Orenburg: OGU, 2019. 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). S. 45–52.
29. Ryabtseva S.S. Drevnerusskiy yuvelimnyy ubor: osnovnye tendentsii formirovaniya / S.S. Ryabtseva. – SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo in-ta istorii RAN «Nestor-Istoriya», 2005. 384 s.
30. Sedov V.V. U istokov vostochnoslavianskoy gosudarstvennosti / V.V. Sedov. – M.: URSS, 1999. 144 s.
31. Tolochko P.P. Massovaya zastroyka Kiev X–XIII vv. / P. P. Tolochko // Drevnerusskie goroda / otv. red. V. V. Sedov. – M.: Nauka, 1981. S. 63–94.
32. Fetisov A.A. «Druzhinnaya kul'tura» Drevney Rusi / A. A. Fetisov // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2010. – M.: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, 2012. S. 406–436.
33. Shirinskiy S.S. Arkheologicheskie paralleli k istorii khrisťianstva na Rusi i v Velikoy Moravii / S. S. Shirinskiy // Drevnyaya Rus' i slavyane. – M.: Nauka, 1978. S. 203–206.
34. Shchavelev A.S. K istoricheskoy geografii Vostochnoy Evropy IX v. 2. Karta skandinavskikh kompleksov i artefaktov / A. S. Shchavelev, A. A. Fetisov // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2015 god: Ekonomicheskie sistemy Evrazii v ranee Srednevekov'ye / Otv. red. toma A. S. Shchavelev. – M.: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, 2017. S. 278–238.

